

Галина Константинова

18+

Поезд.

Время танцора.

Галина Константинова
Поезд. Время танцора

«Издательские решения»

Константинова Г.

Поезд. Бремя танцора / Г. Константинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930135-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Поезд». Александр Юферов — обычный программист, который неожиданно был направлен в командировку своим начальством. В поезде на Москву он ведет разговоры с врачом Борисом, но неожиданно начинаются приключения, в которые замешаны его бывшая жена и дочь, вернее, кажется, что они замешаны... «Бремя танцора». Современный танец — направление, которое редко имеет коммерческую перспективу. Но почему яркие представители этого жанра погибают один за другим в маленьком провинциальном городе — загадка.

ISBN 978-5-44-930135-2

© Константинова Г.
© Издательские решения

Содержание

Поезд	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Поезд. Бремя танцора

Галина Константинова

Дизайнер обложки Евгений Александрович Колпаков

© Галина Константинова, 2019

© Евгений Александрович Колпаков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-0135-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поезд

Повесть

«Под занавесом дождя

От глаз равнодушных кроюсь,
– О завтра мое! – тебя
Выглядываю – как поезд...
...Верстовая снасть
Столба... Фонари из бреда...
О нет, не любовь, не страсть,
Ты поезд, которым еду
В Бессмертье...»
М. Цветаева.

Глава 1

... В субботнее утро нет ничего приятнее нежно-ленивой дрёмы. Саня видел сладкие сны, когда настойчиво задребезжал телефон. И кого в такую рань просят звонить, да ещё в субботу, нехотя протягивая руку, подумал он. На другом конце провода пробурчал недовольный, но неизменно-бодрый голос шефа:

– Александр? Срочно собирайся в Москву. Поезд вечером, в понедельник должен быть там. Я тебе вчера хотел сообщить, но не дозвонился. Собственно, сам не понимаю, почему так поздно пришла информация...

– Аха... Извините, Иван Васильевич, вчера несколько увлекся отдыхом. А по какому, вообще говоря, поводу в Москву?

– Да конференция, по информационным технологиям. Защита и безопасность корпоративных сетей. Почему-то тянули до последнего дня, ну, а мне ехать не с руки, сам понимаешь, у меня тут проблем по горло. Съездишь, развлечёшься, ты у нас парень холостой, не обремененный маленькими детьми. Заодно и свою дочку наведишь, она ведь, кажется, у тебя москвичка?

– Вы хорошо осведомлены... Да, она сейчас живет в Москве. А как с билетами?

– Проблем нет. Билет прямо на вокзале получишь, он уже забронирован. Организаторы конференции забронировали. И ещё смешнее, что они там именно тебя хотят видеть. Может, просветишь своего начальника, чем ты им так приглянулся? Может, я не в курсе, ты какие-нибудь научные достижения имеешь, а я, старый, не владею информацией? – тон был дружеский, одобрительно-весёлый, что и отличало выгодно его шефа от других представителей клана начальников, судорожно державшихся за свое раз завоеванное место «под солнцем».

– Ну что Вы, Иван Васильевич, разве от Вас что утаишь? Я и сам удивлён.

– В канцелярии подготовлены документы, я тебе удостоверение к поезду подвезу. Деньги-то есть? Если что...

– Да есть, мне ведь не по ресторанам ходить.

М-да... С корабля на бал, вернее, после бала (пирушки) в дорогу... Как минимум, сутки на дорогу туда и обратно, да там дня три-четыре. Станный интерес к скромной персоне обыкновенного программиста... Ну, да не время сейчас стоять умозаключения. Надо срочно всем позвонить, поздравить Майку с наступающим днем рождения, а то не увидимся завтра. Ещё вещички собрать, в контору успеть... Пожалуй, мой сервер так быстро не заводится. Начнем с минимальных усилий.

– Майка, привет, это я.

– Привет, братец!

– Я тут в командировку срочно отъезжаю, ты меня не теряй. С днем варенья наступающим, всего-всего.

– Лаконично. Надолго?

– Да в конце недели вернусь, ты уж не скучай. Маме с папой приветы, слушайся уж их.

– Ясное дело, все ж двадцать пять стукнет, не маленькая. Ты там осторожнее, террористы, бандиты, взрывы всякие в этой столице-то... У нас спокойнее.

– Насмотрелась сериалов бандитских. Я мужчина в полном расцвете сил, меня не так просто взять на испуг, милая. Да и Машку заодно повидею, сама понимаешь... Она же уже почти невеста...

– Саня, что-то предчувствие у меня нехорошее...

– Брось, бабские причуды... Рано тебе ещё пророчицей быть... Все, побежал, бумажки-документы, пистолетик выдадут на случай, если эти документы захотят отобрать... Майка, не грузись, все нормально будет, я тебе позвоню сразу же, как приеду, о'кей?

– Спасибо, утешил.

После чашки кофе с сигаретой мозг начал, наконец-то, просыпаться. Условный рефлекс. Остатки оцепенения в мышцах. Несколько дыхательных упражнений. Поехали...

...День прошёл по четко отработанному алгоритму, как всегда. Обстоятельства складывались удачно. Четко подходили автобусы, он даже успел заскочить на вокзал, и там все произошло без запинки. Оставалось ещё три часа до поезда, когда вещи были уложены в спортивную сумку, оставалось только лежать на диване, задумчиво глядеть в окно, почитывать книжку... Но читать не хотелось.

– Юферов Александр Сергеевич? – проводник был предельно вежлив, что чрезвычайно его повеселило.

Бельё было не влажное, чай начали разносить сразу после отправления. Напротив него сидел мужчина лет пятидесяти в очках и что-то читал. Больше в купе никого не было. Тоже везение, подумал Саня, которому интеллигентный вид спутника внушал доверие. Он любил иногда быть один, но долгое отсутствие общения его тяготило. Хотя в общении он предпочитал довольно своеобразную манеру – слушать собеседника, но думать всегда о своем. Видимо, отсутствие фона и было основным дискомфортом, ради устранения которого он вступал в общение. Его привлекали новые люди, их нестандартные мысли или, наоборот, созвучные настроения. Попутчик приподнял глаза и дружелюбно улыбнулся:

– Ну-с, молодой человек, будем с Вами соседями? Надеюсь, тоже до матушки-столицы?

– До неё, родимой.

– Угощайтесь конфетами... Сейчас и чаек принесут... Позвольте полюбопытствовать, по каким делам, если дела не государственной важности, разумеется?

– Нет, совсем не секретные дела. Так, компьютерные сети, информационные технологии... Не знаю, близко ли это Вам.

– Э... не совсем. Я по части недугов людских. В некотором роде врач... Вот к сокурснику еду, прямо-таки вычислил он меня в нашем городе, идеи у него какие-то... В московских кругах не последний специалист, поездку спонсировал. Это не наш брат-провинциал, от зарплаты до зарплаты... Хотя варианты встречаются, ну да не об этом. Вас как звать-величать, просто чтобы общаться проще было?

– Александром. Или просто Саней.

– А меня Борисом Марковичем. Приятно познакомиться, – сухошавая, нескладная фигура слегка приподнялась, и Саня ощутил пожатие сухой ладони. У Бориса был какой-то взгляд детской незащищенности, наверное, таким и должен быть взгляд врача. Все располагало в нем сразу и безоговорочно. И это предвещало довольно приятное общение. А общение с людьми – это и возможность чему-то научиться. Вечер обещал быть длинным и насыщенным. В свои тридцать пять Саня успел пережить раннюю женитьбу, потерю работы с последующей потерей квартиры, к которой ещё даже не успел привыкнуть, уход жены к молодому и богатому бизнесмену с её переездом в Москву, пару-тройку незначительных романов, и, как следствие, философско-спокойный взгляд на «невыносимую легкость бытия». Это было некоторое жизненное кредо – не суетиться, иметь практический взгляд на вещи, по сути – плыть по течению, ведь логический подход оказывает иногда «медвежью» услугу. Хотя его иногда выводили из равновесия незначительные мелочи, он находил в себе силы быстро оценивать ситуацию и снова обретать внутреннее спокойствие.

– Знаете, молодой человек, я боюсь показаться Вам занудой, но с некоторых пор душевные силы черпаю только в Боге.

– Почему же занудой? Суета сует и томление духа... Мне это понятно.

– Вот-вот... С годами понимаешь – и меня постигнет та же участь, что и глупого, к чему же быть мудрым. Правда, путь к этому пониманию бывает разным. Путь волхвов и путь

пастухов, помните? Волхвы вычислили, что Иисус родился, а пастухам явился Ангел. Я тоже шел первым путем, пока... Пока в моей жизни не произошло трагическое событие. Я потерял любимую женщину. Наверное, не все сделал, чтобы она спасла свою душу. Так много было не сделано, что совершенно необходимо...

– Если Вам это больно, не рассказывайте.

– Да, мне больно. Это была женщина, которую я ждал всю жизнь. Женщина, которая умела быть и матерью, и сестрой, и ребенком одновременно. На обывательский взгляд довольно банальная история – седина в бороду, бес в ребро, почти старик, вдруг влюбился в молоденькую девочку. Вы ещё молоды, можете не понять... Нам было даровано судьбой всего полгода счастья. Она попала в автокатастрофу. И за рулем был я, отделавшись несколькими царапинами. Вы верите в любовь?

– Верю... Но не могу с определенностью сказать, было ли это со мной, или просто приснилось. Вообще, жизнь похожа на сон. В пустом вагоне. Случайные попутчики. Случайные разговоры. Кто-то заходит, кто-то выходит. Истории перепутываются в твоей голове, и с ужасом понимаешь, что это был просто сон, просто сон в пустом вагоне...

– Откуда у Вас такой пессимизм?

– Да нет, это здоровый прагматизм. С накатывающимися иногда приступами лирики. Может, просто депрессия. Тоска по пониманию, помните, у Стругацких?

– А размышляли ли Вы, Александр, о вечности?

– О... Вечность... о ней думать проще простого. Берешь вечность и думаешь о ней.

– Я о вечной душе. О том, что, живя в грехе, мы обрекаем душу на вечные мучения.

– Разве?

– Хорошо, я вижу, что Вас эта тема мало волнует. Это издержки прогресса. Совершенство своей интеллект, человек забывает о совершенствовании души. Это порочный путь.

– Э... Позвольте нескромное уточнение. А вы что, праведник?

– Нет, конечно. Но Господь учит нас обличать пороки. А ухо свое сделать внимательным к мудрости, а сердце свое склонить к размышлению.

– Не сочтите нигилистом... Читал я это все, читал. И десять заповедей. И Екклесиаста, и притчи Соломона. Наверное, ум мой так уж устроен – я поглощаю новые знания, но почему-то хочу видеть и практическое применение любого умозаключения. Как, впрочем, и любая философия – пустой звук, если не может быть отработана на практике.

– Религию надо понимать сердцем, а не умом. Быть пастухом и внимать истину.

– Где она, истина, в обыкновенной жизни? Вы потеряли любимую. У меня нет семьи, я веду довольно праздный образ жизни, исключая работу, разумеется, и меня это вполне устраивает. К сожалению, мне иногда даже некогда задумываться – работа, друзья, знакомые, родители, сестра... Жизнь бурная, динамичная, какая и должна быть в моем возрасте. Счастье... Счастье измеряется мгновениями, в какой-то дискретный момент времени ты чувствуешь, что счастлив. Мгновение уходит – и не можешь дать определения.

– Это все потому, Александр, что люди часто любят для самих себя, эгоистично. Я вот всегда считал своим долгом служить женщине. Я не красуюсь, действительно мне всегда хотелось быть рыцарем. Но, к сожалению, среди моих многочисленных жен лишь одна умела любить по-настоящему.

– Отчего вы, Борис Маркович, считаете, что Ваш способ любви – единственно верный? Смысл любви – в том, чтобы давать счастье или чтобы получать его взамен? Мы незаметно скатились в дискуссию, почти как спор «отцов и детей». Давайте устроим небольшой перекур.

Саня торопливо вышел в тамбур. За мутным стеклом проносились уныло-фиолетовые поля, редкие деревеньки с заброшенными дворами, стандартный российский пейзаж. В тамбуре вышел высокий человек лет сорока и попросил зажигалку. Взгляд его был внимательным, почти профессиональным.

У него опять начала болеть голова, ведь он сегодня не выспался. Вчера с друзьями ходили в сауны, как обычно, смешивание пива и водки, разговоры... Жизнь проходит в бесконечных разговорах. А мыслей в них не так много. Имеется в виду, свежих, не затасканных... Борис Маркович со своими проповедями засел пока ещё не очень глубоко...

И что ему дались разговоры о счастье и любви. Саня прожил с Аней десять лет, а последние четыре только и продумывал варианты ухода. Как в общежитии – пришел, поел, лег спать. Утром встал и ушел. Можно вообще не приходить. Она съездила в отпуск и нашла себе любимого. Его уход восприняла как само собой разумеющееся. В суде даже смеялись, шутили, и судья заметила, что неплохо бы отнестись к процедуре развода более серьезно. И вообще, нужен ли вам развод, если у вас такие прекрасные отношения? Аня сразу поскучилась и начала приводить доводы, почему решение окончательное. Мол, дома не ночует, часто выпивает, даже были факты измены. Факты измены и в самом деле были, только с точностью Аня этого сказать не могла, а версию придумали сообща, при заполнении заявления. Свобода нахлынула на него, как прибой. Он купил квартиру, стал её отделять по своему вкусу. А тут и Аня оформила свои отношения с бизнесменом и увезла Машку в Москву. Подъехала в последний день попрощаться. Уверенная в себе, хорошо одетая дама. А он даже не улыбнулся. Ну не любит он этих эмоциональных расставаний. Они ведь и не ссорились никогда по-настоящему, с бурными сценами, со слезами и примирениями.

Вспоминая, как они поженились на последнем курсе, он не понимал, как он был слеп. Или не слеп, а просто влюблен? Тоже не припоминает. Просто «ходили», так это тогда называлось. Ты моя девушка, я твой любимый. Дискотеки, бары, компании друзей. Мелодия на гитаре, которую он сочинил ей на день рождения. Первые стихи, в которых видна не восторженность цветов, а сладость плодов.

В один прекрасный день мама сказала – ну, хватит уже, не морочь девчонке голову, или женитесь и живите как люди, или сообщите, будете ли вообще оформлять свои отношения. Так и женился...

Тип курил уже вторую сигарету и не уходил.

– Вы не в курсе, где мы сейчас проезжаем?

– Наверное, у проводника спросить надо.

– Его нет.

– Странно. Ещё всего двенадцать часов. Может, спать завалился?

– Возможно. А больше Вы ничего странного не заметили?

– А должен был заметить?

– Нет. Это к слову. Вы в каком купе едете?

– В третьем. Если будут наблюдаться чудеса, сообщите, Бога ради, будьте любезны.

– Договорились. По всему видно, вы человек трезвого рассудка и с юмором. Годится.

– Годится? Вы что, меня на работу берете?

– Почти. После узнаете.

– Ну-ну, – протянул Саня, но высокий (внешность его сразу выпала из памяти) бесшумно скрылся.

Глава 2

– Геннадий Андреевич, Вы не могли бы дать комментарии к работе, которая ведётся в Вашей лаборатории? – молоденькая журналистка в очках, которые она беспрерывно поправляла на своем вздернутом носике, пытаясь выглядеть бывалой, испытующе смотрела на грузного сорокапятилетнего Реутова.

Он уже привык к повышенному вниманию со стороны прессы, соответственно, ответы были давно отрепетированы. Поэтому основное внимание он сосредоточил на её мальчишеской фигурке и раскрасневшихся щечках. Взгляд его темно-карих глаз ласкал юное создание.

– Отчего же нет. Сейчас крайне модная тема. Широкие дискуссии во всем мире. Каждый считает своим долгом сказать кто слово, а кто и статью написать.

– Да-да... Я тоже немного «подковалась». Все эти экстракорпоральные оплодотворения, стволовые клетки, биотехнологические и репродуктивные процессы. Но, мне кажется, технология – это дело ученых. Каких результатов вы ждете? Ведь метод однополого тиражирования генетически идентичных особей, или клонирования, имеет такой маленький процент успешности? Вас интересует глобальная задача – тиражировать человека, или добиться увеличения процента?

– И то, и другое, милочка. Но Вы же понимаете, что результаты по клонированию человека, при таком сроке вынашивания эмбрионов взрослой женщиной... Женщин ещё убедить нужно, материал для ДНК достать, при нашем несовершенном законодательстве... Короче говоря, трудностей много, работа тормозится, о результатах рано говорить... Ведь и американцы не спят, и англичане... Хотя наши мышку Машку клонировали раньше на десять лет овечки Долли, но никто этого уже не помнит. Полнейшее равнодушие к отечественной науке, даже обидно. Между тем, сам процесс отработан давно: берется соматическая клетка – это может быть любая живая клетка человеческого тела, пересаживается в яйцеклетку, и из неё развивается плод, полностью идентичный тому индивидууму, который дал соматическую клетку. Все просто и разумно одновременно. А налет фантастичности, сказки про клонированную ливерпульскую четверку или пророчества Будды – это и останется сказками и фантазиями. Поверьте, мы не берем на себя миссию Бога, мы просто пытаемся глубже проникнуть в тайны мироздания, пылливый человеческий ум, так сказать, не может останавливаться на достигнутом, – с пафосом произнес Реутов, вытирая лоб со своей поблескивающей лысины.

– Извините, Геннадий Андреевич, а не можете сказать, какова будет Ваша роль при работе с клонами? – девушка имеет особенность задавать не слишком удобные вопросы, со скукой подумал он, а ведь такая милая, хорошенькая девочка.

– Ну... Пока работа только теоретическая. Я ведь психиатр. Моя задача будет исследовать, насколько сильна в клонах генетическая память. Существует ли возможность восстановить в памяти клона те события, которые происходили в жизни донора? Там много научных терминов, думаю, не стоит забивать такую хорошенькую головку, право, – Реутов взглянул холодно в глаза молодой корреспондентке, но сразу отвел взгляд. Ему не хотелось распространяться на эту тему. Вообще, любая информация об опытах в его тихой лаборатории, просочившись в прессу, могла наделать непоправимых бед. Дело не в том, что скрывалась тема разработок. Необходимо было скрыть те результаты работы, которые были достигнуты. А сделано было немало.

Наконец-то они получили высокий уровень выживаемости эмбрионов, и, как бы там не разглагольствовали газетчики, поганые папарацци, что его должна вынашивать женщина, им удалось добиться осуществления этого процесса просто в пробирке.

Собственно, ничего нового. Новое заключалось в том, что сам процесс выращивания человеческого эмбриона сократился до одного месяца. В лаборатории были аккумулированы

лучшие мозги многих специальностей. И, как бы скептически Реутов ни относился к технарям, именно они сляпали установку, позволяющую ускорять процессы старения. Разработка этой установки велась совершенно секретно.

Хотя для соответствующих служб и некоторых теневых структур... Денег катастрофически не хватало. И противники вынуждены были сотрудничать. Реутов не задавался вопросом, а зачем это нужно тем или другим. Просто не хотел его себе задавать. Можно прозябать в простой психиатрической лечебнице. Конечно, платят за вредность, отпуск большой... Если занимать не последнюю должность, и от нужных людей когда перепадёт, чтобы подержать неугодного человечка подольше. Но это, что называется, «мелочь по карманам тырить». Вот друг его институтский, Азаровский, золотая голова, умница... Единственно, по жизни, верней, по женам, скачет беспрерывно. Сейчас, вроде, успокоился, в религию ударился. А мог бы тоже в Москве остаться, а не прозябать в провинции.

Собственно, работа Реутова пока заключалась в подготовке клонов к обычной жизни. Он разработал технологию транс-погружения (и в ней ничего нового не было, новое заключалось только в том, что это были не обычные люди, с их памятью, а абсолютно чистые листы бумаги), ведь клонам, прошедшим ускоренные физиологические циклы старения, необходимо было дать историю.

Вот где разворачивалась фантазия! Написать жизнь с чистого листа. Его опыты удавались, постепенно стали разворачиваться процессы внедрения клонов в нормальную жизнь. Соответствующие органы и структуры пристально следили за результатами. Иногда Реутов чувствовал себя между двух огней, когда сначала его вызывал генерал, а потом тихим, но настойчивым голосом интересовался «папа», как продвигаются дела. Реутова не интересовали ни настоящие фамилии его «благотворителей», ни их ранги. Ему хотелось работать. Естественно, за хорошие деньги. Своих «детей» он опекал и всегда радовался за их первые шаги в этом безумном мире. Хотя совсем чистым эксперимент было назвать нельзя, все находилось под наблюдением. Клоны, конечно, не знали, что они клоны, а не настоящие люди, но их история жизни была придумана, десятки раз выверена, записана, реакции практически предсказуемы.

Реутову хотелось проверить, как поведут себя они в экстремальной ситуации, а, самое главное, чтобы массив памяти соответствовал массиву памяти прототипа. Довольно циничный подход для врача, но Реутовым двигал исключительно научный интерес.

Очевидно, при формировании его ума душа не успела протиснуться вперед...

Глава 3

Когда Саня пришел в купе, Борис Маркович уже мирно спал, неуклюже свернувшись калачиком. Опять скользнула мысль о его незащитности. Что-то разбередилась душа, не спится. Почему-то вспомнился тёплый юг, ушедшее прошлогоднее лето. В этом году он не отдыхал, менял работу.

В Абрау-Дюрсо был палаточный городок, скромный, но со вкусом. Палатку он поставил на горе, чтобы никто не хрустел песком над ухом. Ночью обычно с моря раздавались крики купающихся и веселящихся, на камешках было жестковато, зато соседей никого. В редком лесочке с тропинкой, ведущей к турбазам, шуршали крыльями маленькие совы; мерно разбивающиеся о скалу волны успокаивали.

Как-то на пляже он заметил студентку, веснушчатую, хрупкую, не похожую на современных, знающих себе цену, юных особ. И снобизма в ней столичного не было. Он не стал долго размышлять, взяв на вооружение обычную тактику ухаживания за женщинами.

Собственно, ничего нового, все старо как мир. Но действует безотказно. Придумывать что-то новое было лень. Конечно, в условиях, когда до деревни топать два километра, цивилизация и вовсе далеко, трудно ухаживать за дамой. Но и в походных условиях есть место фантазии. Они ходили на танцы на её турбазу, прокатились в Новороссийск, Анапу, загорали на пляжах, купались, пили шампанское и гуляли. Вспоминая это сейчас, Саня словно ощутил мягкое прикосновение водорослей по животу, когда он в маске плавал за мидиями, а Ксюша радовалась как маленькая перламутровым раковинам и прочим морским сувенирам.

Ксюша была умненькой девочкой из хорошей семьи. С дурочками Саня вообще не знал, как себя вести. Конечно, у неё ещё совсем не было никакого опыта, и многие вопросы её были наивны и чисты. Это Саню забавляло. Особенно забавлял нежный румянец, который покрывал её веснушки, когда она вдруг понимала, что сказала глупость. К чему же это он вспомнил... А, про любовь. Это было, как вдыхание аромата нежных духов... Он себя ощутил молодым, почти двадцатилетним.

Она плакала в аэропорту... Невыносимая сцена прощанья, он хотел её избежать, но, как всегда бывает, под давлением дал слово, что проводит её, и даже купил молочно-бледную розу на прощанье. Правила, условности. Если ты джентльмен, то нужно помахать даме платочком, как будто что-то измениться оттого, что ты вовремя подал ей перчатку или открыл дверь. Ведь это все формальная игра... Он пишет ей иногда по электронной почте, вот только съездить в Москву так и не собрался. Кстати, надо позвонить ей, спросить, как у неё учеба, и все такое. Что-то много дел в столице, как бы все успеть. Не пора ли уже составлять план в блокнотике, чтобы ничего не забыть. Как всегда, поставив перед собой задачу, Саня стал спокоен и сосредоточен.

Вдруг поезд резко стал тормозить. Саня выглянул в окно. Какая-то деревенька, совсем маленькая, странно, что здесь вообще остановка, поезд-то скорый, такие полустанки должен пролетать без остановок. Легкое чувство беспокойства коснулось его уже засыпающего сознания.

В вагоне хлопнула дверь, и послышались приглушённые голоса. Саня сел и встряхнул головой. Глаза неотвратимо слипались, но среди наступившей тишины что-то щёлкнуло. Что-то упало, рассыпалось. Снова шепот, как дуновение ветерка. Поезд дернулся и медленно начал набирать скорость. Облачко беспокойства стало рассасываться, и медленно навалился сон.

...Кто-то грубо толкал его в бок, а он все ещё пытался досмотреть прекрасную картинку.

– Э, вставай!

– В чём дело? – протирая так и не отдохнувшие глаза с красными прожилками усталости, Саня пытался сначала отмахнуться от навязчивого обращения.

Перед ним стоял широкоплечий, чёрноволосый парень лет двадцати пяти, с явным отсутствием каких-либо эмоций на лице.

– Приехали, вставай.

– Который час?

– Два часа ночи, скоро остановка.

– Послушайте... – начал было он, но ощутил легкий нажим металлического предмета у себя под лопаткой.

– Не рыпайся, фраер, не поднимай шум. Поезд захвачен, ясно? Повтори, что понял.

– Я понял.

– Вопросы?

– Вы что, имеете реальное желание ответить на мои вопросы?

– Он ещё пытается шутить. Серега, давай сюда наручники, мне подобного рода шутники не нравятся. Сейчас шутит, а потом начнет переубеждать, как вот этот, – тут Саня наконец-то разглядел Бориса, без очков, с кляпом во рту, с наручниками и связанными ногами. Следов побоев не было видно.

– Вовка, ты не переборщи.

– Его-то за что? Он вреда вам не причинит?

– Много ты понимаешь... Кончай болтать, а то тоже кляп получишь, подарочек к Рождеству.

Что происходит? Два ублюдка спокойно взяли его сонным, зачем им поезд, ведь это не самолет, в Турцию не уедешь? Вопросы, вопросы... А надо сосредоточиться на том, чтобы как-то выжить, не думать, не думать... Борис смотрит как затравленный зверек. Пот струйками стекает по лбу. Глаза, большие, серые, щурятся в попытке что-то разглядеть. У него, очевидно, очень плохое зрение.

– Борис Маркович, все скоро выяснится, я уверен.

– Молчать! Предупреждаю последний раз.

– Вам нужен поезд или конкретные люди в поезде?

Тот, которого назвали Серегой, посмотрел на Саню прозрачно-холодно, смачно сплюнул и произнес хриплым голосом.

– Жди, скоро все объяснят, любознательный ты наш.

В купе неожиданно заглянул старый знакомый, просивший зажигалку в тамбуре. Видимо, он тут был старший.

– Алексей, вот этого пришлось немного усмирить. Он не захотел помолчать. Представь, начал нам читать проповеди о спасении души. Не сдержался я. – Серега злобно окинул взглядом фигуру Бориса.

– Понимаю. Этот что?

– Не сопротивлялся. С юмором все в порядке.

– Да, видно, я не ошибся. Ночью, не припоминаете? – Алексей сделал попытку улыбнуться.

– Припоминаю. Насколько я понимаю, Вы можете объяснить, что происходит?

– Все просто – захват. Шаг влево, шаг вправо ведет, сами знаете, к какому результату.

Но мы же цивилизованные люди. Нам жертвы не нужны.

– Что вы будете делать с поездом? С людьми?

– Э... об этом рано, дорогой. Я хочу предложить Вам, как бы помягче сказать, сделку... С совестью. Да, с дьяволом, как бы сказал наш проповедник. Поверьте, вы от этого только выиграете.

– В чем состоит суть сделки? – Саня старался не смотреть в сторону Бориса; выиграть время любой ценой, разобраться в сути, потом уже решать...

– Объясняю. Ваша задача – успокоить людей. Убедить, что мы ничего плохого им не сделаем. Ну, вы же не раз смотрели все эти фильмы про захваты заложников. Наверно, усвоили, что первыми погибают те, кто пытается действовать эмоционально. А Вы спокойный. Кстати, как вас зовут? Мы почти ровесники, интеллигентные люди, на «вы» в нашем общем деле обращаться не принято.

– Александром. Предлагаете выпить на брудершафт?

– Я ценю Ваше умение шутить. Значит, Александр, для простоты Саня. Замечательно. Так вот, Саня, не дури, сантименты нам некогда разводить. Сейчас тебя освободят, запомни задачу – успокоить людей.

– Что я им должен говорить?

– Что мы доезжаем до ближайшей станции и высаживаем женщин и детей.

– Дальше?

– Дальше посмотрим. Мы уже отцепили половину состава, народу немного, в купейных вагонах тем более.

– А цель захвата, что-то я никак не пойму?

– Мы не на исповеди. Сейчас начнутся перемещения, всех собираем в три вагона. Данный вагон за тобой.

Тут же сняли наручники. Алексей вышел из купе, не оборачиваясь. Вовка и Сергей вышли вслед, но Вовка остался присматривать.

– Вот Вам, Борис Маркович, и маленький спектакль. И это только начало. Надеюсь, вскоре я Вам объясню суть своей игры. – Саня говорил, не принимая во внимание, что Вовка все слышит.

Почему-то у него сложилось определённое мнение насчет его интеллекта. Тот спокойно и равнодушно ожидал дальнейших указаний и курил. Интересно, сколько их человек? Вряд ли Алексей откроет все карты сразу. Дверь в вагон снова распахнулась, и в неё начали заходить перепуганные люди. Тут Саня заметил ещё человек десять с оружием, выглядывающих из других купе. Все происходило до удивления спокойно. Тишину взрезал уверенный голос Алексея:

– Приказываю все делать тихо и спокойно. Расходитесь по купе, человек по десять, женщины с детьми отдельно, мужчины отдельно. Вот этот товарищ вам все объяснит позже.

– Подонок... – услышал он тихое проклятье от одной из женщин. Подонок? Он ещё ничего не сделал, никого не убил, не ударил... Предал? Неизвестно, может, он сможет убедить террористов не проливать лишнюю кровь. Вовка жестом пригласил его в каморку проводников. Ага, микрофон, чтобы все слышали его речь.

– Ну, давай, красноречивый.

– Товарищи... Господа... Меня заставили, поймите...

– Не плачься, как девица перед первой брачной ночью, – шепнул Вовка. Саня посмотрел на него, и ему показалось, что во всей этой буффонаде он самый нелепый.

– Итак, террористы обещают не причинить никому вреда. На ближайшей станции женщины и дети могут быть свободны. Прошу сохранять спокойствие, призываю к вашему разуму...

– Оратор, – Вовка отключил микрофон, – тебе бы в партийные лидеры, Жириновский с Зюгановым в одном флаконе.

Саня подавленно молчал. Неужели я трус, эта мысль всё настойчивей окутывала его гадливым и липким объятием. Как я сейчас посмотрю Борису в глаза? Трус, трус, мог бы и не соглашаться, другого бы нашли.

– Ну, оратор, иди к себе и сиди тихо. Можешь своему проповеднику кляп достать, а наручники, надеюсь, пилить не будете. Имей в виду, тут кругом одни бабы да ребятки, вот как раз для тебя, сопливого интеллигента.

Саня заскрежетал зубами от бессилия. Он пошел по вагону как сквозь строй. Десятки глаз смотрели на него с презрением и ненавистью. Он не поднимал глаз, но, он был уверен, что самое страшное предстояло в купе, где униженно скрючился Борис. Что хуже – физическое страдание или нравственное?

– Саша! Саша! – почудился ему сдавленный шепот. И снова: – Саша, остановись, мы здесь. – Он поднял глаза и увидел... Аню. Она была бледной, с синими кругами под глазами, с растрепанными воронными волосами, за которые он когда-то звал её «чёрной лошадкой».

– Аня? Как?

Но она молчала. Её стали пропускать, и вот он увидел заплаканное лицо своей дочери Маши.

– Разве вы не в Москве?

– Мы приезжали ненадолго. Странная встреча, да ещё при таких обстоятельствах...

– Да... Обстоятельства не самые лучшие, – он обернулся к Вовке, – это моя бывшая жена и дочь.

– Понял. Ну что ж... Алексей, тут обстоятельства выплыли, – закричал он в рацию, – наш успокоитель встретил бывшую супружницу с дочерью. Что с ними теперь делать, воссоединить? – и, немного помедлив, кивнул Сане. – Добро, иди, немного поспи, через пару часов станция.

Они зашли в купе и закрыли дверь. Другие купе закрывать было запрещено.

– Саша, развяжи ему хотя бы ноги.

– Борис Маркович, простите меня, я понимаю, что вы пострадали из-за меня. Очевидно, это был их метод устрашения...

– Бог простит.

– Это Аня, моя бывшая жена, это Маша, моя дочь.

– В другом бы месте сказал бы, что очень приятно. Увы, это не самое подходящее время для обмена любезностями. Что Вы намерены делать, Александр? На Вашем месте, я бы им не верил. Взгляд у Алексея мне не понравился. Типичный взгляд одержимого безумной идеей.

– Надеюсь, Борис Маркович вы понимаете, что при новых обстоятельствах я не позволю этим гадам выкинуть мою бывшую жену и ребенка на каком-то полустанке. Нет никакой гарантии, что там их не поджидает что-то ещё.

– Хорошо, а если бы их не встретили? Судьба других женщин Вас волновала бы меньше?

– Вы опять пытаетесь внушить мне идеи о нравственном выборе в пользу всего человечества в целом? Или что? И вообще, чем определяется нравственность? Так мы снова скатимся в полемику богословов и экзистенциалистов. Борис, можно я уже без отчества, к сожалению, моему терпению есть предел. Да, я буду заботиться о собственной шкуре, нравится Вам это или нет, и о спасении жизни дорогих мне людей. Нельзя любить человечество в целом. Не время разводить философские дискуссии, не время! Осталось пара часов, за это время нужно выработать план действий, как нам выбраться из этого дерьма! Если хотите принять активное участие, извольте, только без нравоучений и назидательных бесед!

– Саша, не кипятись так, успокойся, не надо. – Аня погладила его по руке.

Странно-непривычный жест для неё. Видимо, он настолько отвык от нежности с её стороны. Он помнит отчётливо только поджатые губы, молчание, короткие записки, что она уехала к родителям и ужин в холодильнике. Как давно это было, было ли вообще... надо встряхнуться, а не углубляться в воспоминания. Машка... он ей не сказал ни одного ободряющего слова, а лицо у неё зарёванное, она вцепилась в Аню, и смотрит на него синими глазами. Он присел на корточки.

– Маша, не плачь, все будет хорошо, мы сейчас что-нибудь придумаем, ты испугалась, бедная... Я тебя люблю, все будет хорошо...

Он никогда ещё не говорил столько нежно-беспольных слов. В мозгу зудела мысль – не время, не время, надо думать, а слова лились и лились, как будто они давно ждали этой минуты... Борис молчал, отвернувшись к окну. Полнолуние, безжалостно выхватываемые из темноты переплетенные руки деревьев, круги усталой отрешенности вокруг лунных глаз...

Глава 4

Реутов спал беспокойно. По его подсчетам, уже должны были поступить сведения о событиях в поезде. И, как он ни ожидал звонка, мелодия турецкого марша заставила его вздрогнуть.

- Это Алексей. Усё в порядке, шеф.
- Не ёрничай. Как там наш подопечный?
- Талант, каких мало. Очень убедителен.
- Ну да, для подготовленной аудитории...
- Тут небольшая загвоздка случилась, Андреич.
- Какая?
- Прибилась к нему жена бывшая, с дитем лет десяти.
- Откуда взялась?
- Из поезда, вестимо.
- Разве так бывает?
- Что дальше с ними делать?
- Ничего не делать, действовать по плану, наблюдать.

Так-так, кажется, все идёт, как надо. Реутов даже не осознавал ещё, какого результата он хочет достичь, возможно, смысл не в результате, а в самой игре в «психологические шахматы», когда важна не победа, а реакция противника...

Да, идеи ощутить себя «волхвом», проникают в душу подобно змею-искусителю. Возбуждение – предвосхищение – наслаждение... Он должен составить отчёт, как ведут себя клоны в критической ситуации. Способны ли они на такие же сильные эмоции, как настоящие люди, у которых память есть результат всей предыдущей жизни, а не какая-то пустая программа, которую попросту вложили в голову. Чувства – они тоже в памяти или где-то ещё?

Ощутить себя Творцом – кошунство или шаг по пути к прогрессу? Что-то в богословие потянуло, кисло подумал Реутов, неожиданно вспомнив об Азаровском. Как он там, бедняжка, со всеми своими премудростями, справляется с тяготами простой жизни? И много ли они ему помогли сейчас? Надо потом подробно расспросить о чувствах и переживаниях. Снова весело заиграл телефон.

– Папочка, привет!

– А, дочка, здравствуй, дорогая, что так поздно? Ой. Я забыл, у вас там ещё вечер... Как настроение, как отдых?

- Папочка, все замечательно, мне очень весело.
- Почему же голосок такой неуверенный, проказница?
- Папа, я по дому соскучилась.

– Понимаю. Потерпи ещё с недельку, я сам приеду, мы с тобой облазим все неприметные уголки, обещаю. Но у меня сейчас дела, очень ответственные лабораторные исследования, можно сказать, почти экзамен. Не грусти, зайчик мой солнечный.

- Папа, прости, что я так поступила, – изменившимся голосом вдруг сказала она.
- Мне не за что тебя прощать. А вот его, ну, ты понимаешь...
- Папа!! Я ведь его любила. Наверное, до сих пор люблю. Не унижай меня.
- Все, я не могу больше об этом говорить. Я приеду через неделю, обещаю. Целую, пока. Она ещё будет меня убеждать...

События полуторалетней давности нахлынули на него с прежней силой. Его дочь, которую он так любил... Она пришла к нему в конце октября в кабинет вся в слезах. Реутов всегда был с ней откровенен, и она ему доверяла больше, чем его жене.

Как-то так получилось, что её первая любовь к мальчику из параллельной группы вызвала бурное возмущение её матери. Она отследила момент, когда они прощались на крыльце, и любезно пригласила подняться.

Ничего не подозревающий юноша вынужден был выслушать мораль о чуть ли не совращении её малолетней дочери. Мать резюмировала, что так дальше продолжаться не может, а вдруг будет беременность, и вообще это аморально. Они стояли перед ней как провинившиеся школьники, а она воплощала в себе карающую руку оскорбленной матери.

– Вашей дочери не пятнадцать лет, и наши отношения из разряда добровольных.

После этого они расстались. С тех пор Реутов был для своей дочери и за маму, и за папу. В тот октябрьский вечер она тихо села на диванчик и бесстрастным голосом сказала заготовленные слова:

– Па, помнишь, я тебе рассказывала о том мужчине... Ну, с которым мы познакомились летом.

– Помню. Вы, кажется, переписываетесь?

– Дело не в этом... Да, мы переписываемся... Я не знаю, как тебе сказать... В общем, я его люблю.

– И хорошо. Что же тут стыдного? Я не мама, морали тебе читать не буду, ты уже взрослая.

– Дело не в этом...

– А в чем?

– Наверное, мне надо было раньше сказать... Но сейчас тянуть совершенно нельзя...

Папа! Я была так глупа, прости меня!

– Что? Что случилось, ну, не молчи...

– У меня токсикоз.

Реутов оцепенело поглядел на неё. Первым желанием было ударить. Нет, нет! Это навсегда разрушит все, что между ними есть. Девочка попала в беду, он должен её спасти.

– Что ты намерена делать?

– Я не знаю.

– Ты ему сказала?

– Нет. Я намекнула, он сделал вид или на самом деле не понял.

– Я должен все взвесить. Но решение будешь принимать сама. В принципе... Какой срок?

– Папа, срок, когда делают аборт, уже прошел, или вот-вот пройдет.

– Что ж... Тебе ведь нужно ещё институт закончить, хорошо, оформим академический, няню найдем...

– Я... хочу этого ребенка, очень.

Как ни старался Реутов отговорить, было бесполезно. Токсикоз был настолько выматывающий, УЗИ показало уродство плода, теперь уже не он, а врачи советовали сделать родо-вызывание, так как все сроки уже прошли. Она лежала в палате и ни с кем не разговаривала до самой процедуры, когда живорожденное дите должно было умереть насильственно.

Лечение от депрессии в советской больнице, хоть и в отдельной палате, он вспоминает теперь как страшный сон. Как он тогда сам не свихнулся, работая по двенадцать часов, без выходных, постоянно вздрагивая от любого звонка, боясь услышать, что она что-то с собой сотворила.

Именно тогда стали успешно заканчиваться опыты по ускорению процессов старения и целенаправленному заполнению памяти клонов. Ещё много было не понятно, но глаза исследователей светились так вдохновенно, что на работе, в коллективе, он полностью отключался. Тогда ему в голову пришла идея использовать не выдуманные истории, какие могли остаться в человеческой памяти, а настоящие, взятые от живых людей, «доноров». Создать не только физически идентичную копию, но и психически. Это был взлет его гения, сотворить, по сути,

не просто живую куклу, а человека. Недаром уже обсуждают, какие будут права у клонированных людей. Ведь они личности. Только вот сам Реутов в этом не сильно убежден. Ведь это личности, чей интеллект, память, чувства смоделированы им. К счастью, его покровители не заметили истинных мотивов проведения этого эксперимента...

Глава 5

– Так, время неумолимо. Что будем делать? – Саня сидел за купейным столиком, склонив голову на руки. Надо выделить основную задачу... Основная цель – уберечь родных. И наплевать на остальных. В купе постучали. Это был Алексей.

– Ну что, Саня, готов?

– К чему?

– Скоро высадка. К сожалению, не всех. Только женщин и детей.

– Хорошо. Я могу сопровождать?

– Пожалуй, да. Можешь и проповедника в помощники взять. Собирайтесь. Остановка через пятнадцать минут.

Дверь снова закрылась.

– Так, Борис, слушаться меня. Выходите без фокусов. Все решаем на месте. Я знаю столько же, сколько и Вы.

– Александр, Вы прекрасно вошли в роль помощника террористов.

– Сейчас не время на выяснение отношений. Маша, Аня, вы готовы?

– Саша, мне страшно, – Аня слегка дрожала, то ли от холода, то ли от пережитого.

– А ты не думай об этом. Думай о том, что нам нужно выбраться. Хотя... У меня такое ощущение, что это какая-то игра. Больно террористы смирные. Пока ещё никого не пристрелили, только что Бориса немного побили.

Высадка происходила молча, поезд стоял каких-то десять минут. Перрон был пуст. На покосившейся вывеске Саня прочитал название «Весёлое». Да уж, весёлое место и время. Серёга и Вовка спокойно курили в стороне.

– В общем, так, Санёк, бери своих спутников, приглядывай за другими. Пошли.

Как стадо баранов, никаких признаков сопротивления. Всего человек тридцать. Из них человек десять детей, не считая Машку. Что я буду с бабами делать, восстание организовывать, что ли, без энтузиазма думал Саня, едва уворачиваясь от сквозного ветра. Аня шла, наклонив голову. Какая нелепая у неё курточка, как раз по сезону, для тридцатиградусного мороза. Злость, вот что, да, злость, на себя, на этого нелепого Бориса, на эту дурацкую командировку, на покорность судьбе.

– Ну, что, Борис, непротивление злу насилием, подставь правую щеку, когда ударят по левой?

– Это неправильное толкование. Злостью вы ничего не добьетесь. Значит, где-то мы вели себя неправильно, раз попали в такую переделку.

– А, искупление грехов. Понимаю. Вот только Машка моя, в чем виновата? Или основной принцип бытия – случайность? Похоже, я смешиваю сейчас все в кучу, это от злости, наверное.

– Никто не виноват. Она просто страдает за Ваши грехи. Правильно ли Вы вели себя в жизни, вот в чём дело.

– Борис, мне жутко наскучили Ваши нравоучения. Ваша мягкотелость, Ваши обвинения.

– Я не обвиняю, я обличаю.

– А кто Вам дал это право, дорогой? Вы возомнили себя Всевышним?

– Нет. Хорошо, давайте пройдем этот путь молча.

– Эй, долго мы ещё будем плестись? – обратился Саня к «террористам».

– Не торопись, минут через десять погрузимся и поедem.

– Куда? Кажется, вы обещали свободу.

– Кто же верит сказкам? Ещё с час езды.

Маша молчала, но Саня заметил, что она уже очень устала. Пришлось взять её на руки. Аня благодарно взглянула в его глаза. Молча, молча, только молча. Слова, определения, это

такое недостаточное условие для выражения чувств. Как там, слова нужны, чтобы отражать факты, а не фантазии. Чувства – это то, что мы себе представляем. А факты – это то, что реально имеем на данную минуту. Имеем унижение и неопределённость. Какие чувства он испытывает, Саня не мог себе сказать. Злость сменилась апатией к происходящему, немые сцены дешевого спектакля неизвестного режиссера. Вспомнился «метатеатр», что заставило его хмыкнуть. Кончис был великим постановщиком, у него все было со смыслом.

Замечательный итог в виде моральных и физических страданий. Прекрасные античные картины. А тут тащишься как идиот по заснеженной дороге, неизвестно куда, и нет никакой мысли в голове, что делать дальше. Неужели он настолько обленился, что не может крикнуть этой толпе женщин – «дурочки, остановитесь, их же всего двое», нет, он медлит. Тут он увидел крытый фургон. И испытал чувство облегчения. Хотелось только привалиться к холодному брезенту и ни о чем не думать. Он помог залезть женщинам, перекинул ногу.

– Да, Саня, поедешь вместе со всеми, уж извини, места на переднем сиденье все заняты, – одновременно проникновенно и издевательски сказал Вовик.

Они действительно ехали куда-то целый час. В угрюмом полудремотном молчании. Наконец-то и избушка, старая развалина, с гниющими квадратами окон. Быстрое распределение по закуткам. Сане достался чердак, «террористы» остались внизу. Маше он подстелил свою дублёрку, укутал сеном как куклу. Аня легла с одной стороны, он с другой. Они лежали, взявшись за руки над головой, и смотрели друг на друга в темноте.

– Аня, как ты живешь?

– Нормально. А ты?

– Странно, что мы встретились при таких обстоятельствах, знаешь, мне иногда вас не хватает с Машкой. Когда я прихожу в одинокую квартиру, уставший от друзей и дружеских вечеринок, я смотрю на нашу общую фотографию, помнишь, Машке было семь лет? Сентиментально, да?

– Нормально. По крайней мере, искренне. Я вообще не знаю, что большее – хранить в своей памяти – слова, сказанные, или слова недосказанные, – её голос был хриплым, она откашлялась.

– Искренность. Да, у нас было её так мало. Твой уход.

– Это было закономерно, Саша. Мне ведь тоже надоели твои измены. Думаешь, я не догадывалась? Я даже их знала, некоторых твоих женщин.

– Да? Прости.

– Я уже давно простила. Не знаю, простит ли Маша. Она очень замкнутая и необщительная. И ничего про тебя не спрашивает. Как будто всё знает заранее. А когда я начинаю вспоминать, про себя, как у нас не сложилось, она подходит ко мне и просит «мама, я ведь тоже страдаю, ну, пожалуйста».

Саня закурил сигарету. Надо было что-то решать.

– Как думаешь, сможем ли мы убежать? Борис, а Вы что думаете?

– Я готов. Вопрос только, как быть с Машей. С ней мы далеко не уйдем. Да и охранников надо как-то обезвредить.

– Предлагаю поодиночке их оглушить.

– Не надо лишней крови.

– Борис, либо вы слушаете меня, либо убирайтесь ко всем чёртям. Аня, надо изобразить больную, я их начну просить о лекарствах, Борис, изображайте врача, как положено. Главное, их сюда заманить. Хорошо, свяжем их ремнем. Снимайте свой ремень, джинсы никуда не упадут. Аня, приготовь пока кляп из сена. Прошло полчаса, надеюсь, тетеньки уснули, надо все сделать тихо, без шума. Начали. Борис, быстренько, симптомы чего-нибудь.

– Давайте: резкая боль в животе, приступ аппендицита, к примеру. Я попробую изобразить точечный массаж. Придется немного оголить живот, чуть позже, Аня, вздохните и стоните, вспомните, как Вы когда-то рожали, только сильнее, артистичнее.

– Ладно, Станиславский. Поехали. Без репетиции.

Аня начала корчиться и охать. Саня открыл вход на чердак и тихо крикнул:

– Эй, тут моей жене плохо.

– Чего кричишь-то, у нас тут не девять-один-один, – откликнулся Серега.

– Может, лекарства какие завалились? Я врач, похоже на приступ аппендицита, – добавил Борис.

– Может, и завалились. Эй, Вовик, проснись, – потормошил он уснувшего напарника. – Сейчас с начальством свяжусь. Алё, Алексей, у нас тут у твоего добровольного помощника жена задумала помирать от аппендицита. Анальгину дать? О'кей. А дальше, операционную подготовить? Это я шучу так. Хорошо, конец связи. Эй, сейчас получишь анальгин.

Заскрипела лестница, и Серега стал медленно подниматься по лестнице.

– Давай руку, помогу, – дружелюбно протянул свою руку Саня. Следующим движением он выдернул его из проёма и перекинул через бедро и навалился сверху. Борис схватил его запястья, Аня, изображавшая минуту назад больную, плотно вдавила кляп.

– Ну что, дружок, лежи тихо. Будешь молчать? Кивни, если «да».

Серега кивнул. Снизу крикнул Вовик:

– Ну, что там?

– Говори, что всё нормально, – Саня вынул кляп.

– Всё нормально, больная пока жива.

– А чё не спускаешься?

– Сейчас, сейчас.

– Говори, что надо согреть воды, сделать некоторые манипуляции. А ты пока тут покараулишь, – подсказал Саня.

– Вовик, согрей пока воды, я тут покараулю на всякий случай.

– Молодец, быстро соображаешь, – сквозь зубы процедил Саня. Чувство, что все слишком легко и просто получается, не покидало его. – Расскажи-ка нам, что ты знаешь обо всем этом балагане.

– Честно, ничего не знаю. Дали задание и всё, Алексей знает.

– Связывайся с ним.

– Связь внизу.

– Ладно, подождем. Спроси, что там с водой.

– Вовик, ты там не умер? Может, тебе уже пора искусственное дыхание делать? – через некоторое время крикнул Серега в пространство.

– Не умер, не умер. Уже иду. С кастрюлей. Развели тут палату приёмного покоя.

– Какое знание тонкостей советской медицины, – попытался пошутить Борис.

Показалась взъерошенная фигура Вовика с кастрюлей в руках.

– Ну, теперь всё понимаешь? – угрожающе спросил Саня.

– В общем, да.

– Вот что, ребятки, сдавайтесь. Звоните своему Алексею, я с ним хочу поговорить, – Саня вытащил «Макарова» из оттопыривающегося кармана.

Все просто, все слишком просто, так не бывает, снова анализировал он обстоятельства. Как безвольные куклы у Карабаса-Барабаса, дергаешь их за верёвочки, они не сопротивляются. Пьеро печален, Буратино улыбочив... Господи, о чем я...

– Э... Сань, что ты с этим гаремом делать будешь? – ухмыльнулся Серега.

– Оставлю вас тут за евнухов, а сам на свободу буду пробираться. Хватит болтать, мне нужен Алексей.

– На, – протянул трубу Вовик.

Рация поскрипела, голос Алексея прозвучал уверенно и спокойно:

– Да, слушаю.

– Это Александр. Ваши людишки оказались никчемными охранниками, мы их легко обезвредили. Что будем делать, торговаться, или потолкуем как нормальные люди?

– Смотри, что ты понимаешь под словом «нормальный». Мне кажется, ты рано радуешься успеху. Эта победа – лишь незначительный эпизод. При желании я через пятнадцать минут окружу избушку, и все будет по-старому. Забыл тебе сказать, что во время остановки ещё часть моих людей остановилась неподалеку.

– Ты блефуешь, верно?

– Может, и блефую. Мы предполагали, что ты попытаешься сделать этот ход.

– Кто такие «мы»?

– Э... Я пока не могу тебе этого сказать. Бесплатный совет – освободи моих людей, а сам можешь идти.

– Кто ещё может пойти со мной?

– Те же, что и раньше.

– Хорошо. Я вам поверю, вы нас перещёлкаете поодиночке.

– Ты меня насмешил. У нас нет такой цели. Поезд захвачен, тебя я оставил просто так, чтобы дамам не было скучно.

– Никак не могу взять в толк, вам нужен поезд или я?

– И то, и другое, и можно без хлеба.

– Кончайте этот идиотизм!

– Не буйнь. Собирай свою команду, выходите по одному, ты замыкающий, чётко и без шума. Конец связи.

Саня посмотрел на Бориса.

– Похоже, наши приключения не кончились. Нам предлагают отсюда убираться в никуда.

– Может, все это блеф? – спросил Борис.

– Я уже ничего не понимаю. Вот эти двое спокойно дали себя связать, Алексей говорит, что их тут ещё много, и взять нашу «крепость» им ничего не стоит. А вы что скажете, верить вашему начальству?

– Дело твое. Только не делай глупостей. В хорошо продуманной партии игра идёт на нюансах. Важнее реакция противника, чем победа, если помните.

– Что-то умные нынче террористы пошли, не находите, Борис?

– Ага, начитанные. Может, их в университетах обучают, специально, чтоб с интеллигентными людьми могли находить общий язык? Познания просто глубочайшие, – комментировал Борис, развязывая руки Сереге и надевая ремень, – Не страшные они какие-то, как из детского кино. У вас там сценарий-то не подредактировали, в соответствии с новыми веяниями?

– Иронизируйте, голубчики, то ли ещё будет, – сплюнул Серега, потирая затёкшие руки.

– Однако пистолетики уж у нас останутся, не обессудьте. Волки бродят по лесу, да и вы чем хуже, – застегивая кобуру, процедил Саня, – Аня, буди Машку, и поехали.

– Счастливой дороги, помните, мы ведь хорошие, – улыбнулся Вовик.

– Ну, просто цирк. Зрителей только не хватает. Всё, Борис вперёд, потом Аня с Машей, я прикрываю. Кстати, ребятки, одолжите свои курточки, нам они нужнее, Аня, надевай на себя и на Машку.

– Смотри, когда будешь мемуары писать, как ты был ковбоем, не забудь, что это происходило почти на диком Севере, – вдогонку крикнул Серега.

Глава 6

Около полугода назад Реутов как бы случайно заглянул в иммунологическую лабораторию. Нацепив на усталое лицо любезную улыбку, он подошел к уткнувшейся в компьютер лаборантке.

– Светочка, ты, наверное, устала? Иди, отдохни, – Раутов похлопал её отеческим жестом по плечу.

– Можно, Геннадий Андреевич? – она откинула выбившуюся прядь и попыталась улыбнуться.

– Конечно, можно, ты только вот что мне скажи, я ведь дилетант. Прививки вы им ставите? А они чем-то заболеть могут?

Светочка стала предельно серьезной, как перед аттестационной комиссией:

– В принципе, сейчас мы разработали методику, уникальную в некотором роде, вакцины трёх типов. Первый тип – для стандартных детских болезней: коклюш, свинка, ветрянка, оспа, ну, сами знаете. Второй тип – пневмония, грипп, гепатиты. И третий – самый интересный. Совершенно неясно, какие микробы на них могут действовать. У нас-то это годами вырабатывается, а тут ведь все ускоряется. Как клетки будут вырабатывать антитела, тоже ускоренно? Никто не знает. Мой руководитель в качестве эксперимента предложил вводить разработанную им вакцину, позволяющую клетке самой определять степень риска и вырабатывать стратегию защиты.

– Это очень любопытно. Любопытно. Светочка, я хочу пригласить тебя завтра на ленч, если не возражаешь. А сегодня все-таки задержаться, я хочу понять технологию. Ты же понимаешь, я за них волнуюсь, ведь это дети мои.

– Я понимаю.

– Хотя моя область, конечно, иная. Я как художник – должен запечатлеть на их полотне памяти картину реального мира и их собственной истории жизни. На самом деле, это не так поэтично, как кажется. Нам удалось уловить, как меняются межнейронные связи при извлечении из памяти событий. Представляете, сколько событий хранится у человека в памяти, какая это база данных, и какая мощная СУБД должна этим всем управлять? А запись отдельных эпизодов в структуре РНК? Ну, что-то я углубился, так завтра в пять, дорогая?

Светочка была жилистой тридцатилетней «старой девой» с крупными зубами и волосами, по-старушечьи стянутыми в узелок. Реутов ей давно нравился, последнее время он начал часто заглядывать к ней в лабораторию, расспрашивать про работу, высокопарными фразами обсуждать свои разработки в отношении клонов. Она и сама уже привыкла к этим спящим пока куклам, которые за сутки проживали год своей жизни в специальных камерах. Её задачей было в точные часы-годы делать им прививки, отслеживать анализы, вести точные записи на компьютере. Работа была очень ответственной, сменялись каждые восемь часов, расслабиться можно было лишь в пятнадцатиминутные перерывы.

Ленч затянулся до вечера. Он пригласил её в «Le Club», послушать классический джаз, заведение солидное, молодняк не трётся. Все было достаточно пристойно, пили совсем немного, сухой martini с лимоном, беседовали то о работе, то о политике, как-то легко и непринуждённо. Часто его рука задерживалась как бы невзначай на её руке, и она смущалась. Её карие глаза при этом заволакивались пеленой умиления, и она думала, что он мил и обходителен, неизменно галантен. Взяли такси и поднялись к ней в квартиру. У неё побаливала голова, Реутов предложил прилечь на диван и расслабиться. Приглушил свет.

– Надеюсь, Вы не воспользуетесь моим опьянением?

– Ну что ты Светочка, как можно? И вообще, разве ты пьяна?

– Ну да... И безумно счастлива.

– Я вижу только женщину, так сказать, под изящно-лёгким налётом опьяняющих напитков...

– Нет, нет, я пьяная, – непринужденно засмеялась Светочка, укладываясь на диван.

– Слушай меня, дорогая, и все будет отлично.

– О, я готова Вас слушать бесконечно, – закрывая глаза, с блуждающей улыбкой на губах ответила она.

– Замечательно. Ты абсолютно спокойна, твоя рука становится тяжелой, тёплой... Голова ясная, спокойная... Все кажется далеким, уплывает картина мира, луна, озаряющая эту комнату, только она высвечивает нужные предметы, все далеко, только ты и луна... Я начинаю обратный отсчёт – десять, девять...

Светочка закрыла глаза, тело сладко парило в невесомости, убаюкивающая музыка голоса, отчётливо яркие вспышки метафор, ей показалось, что она слышит шум прибора...

– Итак, ты сделаешь то, что я тебе скажу. Клонам под номерами восемь и десять ты не введешь второй и третий тип сыворотки. Но в компьютер запишешь, что ты их ввела. О нашей сегодняшней встрече ты будешь вспоминать как о встрече случайной, все разговоры, которые у нас были последнее время, ты также забудешь, в твоей памяти останется только легкий флирт и обычное кокетство. Начиная прямой отсчёт, на счет десять просыпаешься и забываешь о том, что это тебе говорил я. ...Десять.

Светочка открыла глаза.

– Что это было?

– Это моя методика снятия головной боли, дорогая. Практически самовнушение, с моим маленьким участием. Тебе лучше?

– Да, спасибо. Вы уже уходите?

– Да, милочка, мне пора. Увидимся.

– А...Вы... ты не останешься?

– Дорогая, я ведь женат.

– Ты можешь позвонить, ты ведь сутками торчишь в лаборатории.

– Помнится, кто-то за ужином говорил, что принципиально не оставляет никого ночевать в своей квартире. Помнишь?

– Гена, я шутила. Вернее, принципы для того и существуют, чтобы их нарушать.

Что ж, придётся смириться, почти безучастно подумал Реутов. С другой стороны, сам, старый дурак, виноват. Будто не видел, чего она ждёт. Конечно, приёмчик с головной болью был мне на руку, хоть здесь всё прошло без запинки. Вот ведь как, втягиваешься в игру, начатую ради своих интересов, и незаметно начинаешь подыгрывать партнёрше в её игре. И как всё логично, просто до омерзения логично. Не хватает букета цветов и утреннего кофе в постель. И как я потом с ней распутываться буду, просто не представляю.

– Гена, я тебе хоть немного нравлюсь?

Ну вот, ещё эти бабские штучки – нравлюсь, не нравлюсь. Словесная шелуха.

– В общем, да.

– А в частности? Иди ко мне.

– Мне нужно позвонить, я сейчас...

Возникла мысль – бежать. Но ведь тебя сюда никто не тянул, и даже не приманивал. Лицемер... Сейчас придется быть лицемером. Женская психология, любовь ушами. Изобразить престарелого Ромео, а оно надо. Бытовые поговорки типа «сделал дело, гуляй смело» и тому подобные лезли в голову. Женщины сами вынуждают к лицемерию. Почему нельзя молча согласиться с тем, что твое тело возжелали не потому, что сильно увлеклись, а просто так, под влиянием минуты. И ни к чему эти нудные разборы истинных чувств. Если, конечно, не хочешь услышать правды. Только правду сказать может не каждый. И, самое главное, не желает эту правду озвучить. Эх...

Глава 7

Сергея растянулся на диванчике и с удовольствием закурил.

– Ну, вот и отработали, Вовка, слава тебе Господи.

– И не говори. Сейчас пусть как хотят, наше дело – сторона. А вообще спектакль довольно примитивный, не находишь.

– Это тебе не Гамлета играть, дружище. Зато навар неплохой. Алексей, кажется, вполне доволен. А большего нам знать и не положено. Сейчас массовка выпится, и будем двигать обратно. Да не грузись, по-моему, всё нормально. Мы ведь не наёмники какие, чтобы муки совести испытывать.

– Давай по маленькой, за удачу. Она нам ещё пригодится.

– Давай-давай...

Куда идти, думал Саня, вглядываясь в светлеющее фиолетовое небо. Бежать в чёрную тишину неизвестного леса. А дальше? Глаза слипались. Они передвигались по едва вытоптанной тропке, все время оглядываясь назад. Нет, погони не было. Странно, что они их так спокойно отпустили. Упасть в сугроб и заснуть. Или повернуть назад. Уже полчаса они идут неизвестно куда. Хотя, судя по следам от уехавшего фургона, в направлении станции.

– Александр, я не вмешивался в Ваши дела... Но куда мы идем?

– А я знаю?

– Должен быть у Вас хоть какой-то план действий.

– План из одного слова – выжить. А для этого экономить силы. Предлагаю остановиться, а Вы пойдёте на разведку. Должно же что-то быть, куда ведёт эта дорога.

– Хорошо. Пойду я. Вы оставайтесь со своими. Наверное, так разумнее. Мой шаг быстрее, мне не привыкать. Но для начала наломаем веток, чтобы не сидеть на голом снегу. Берегите Машу.

– Хорошо, хорошо, давайте...

Сдаваться нельзя, нет, нельзя ни в коем случае. Отяжелевшие от снега ветки ломались плохо, прошло минут пятнадцать, пока они соорудили кучку. Борис ушел, не оглядываясь.

– Ну что, девчонки, не кисните, – пытался приободрить их он, – Скоро утро, все будет хорошо. Чёрт, утешать-то я не умею.

– Саша, не напрягайся так, помолчим. Давай Машку с двух сторон прикроем, – и вдруг закашлялась прерывистым кашлем, – Ничего, простыла, наверное.

– Анька, нельзя! – он схватил её застывшие руки и пытался согреть дыханием, – ну, потерпи ещё чуть-чуть...

Тут стала хныкать Машка. Аня снова закашлялась.

– У тебя температура! Где этот чёртов Борис, – он взглянул на часы. Семь утра. И вдруг увидел измождённую фигуру Бориса.

– Ребята, я шел по дороге полчаса, нет ничего подходящего. Эх, в темноте всё равно было ничего не разглядеть. Что случилось?

– Кажется, Аня заболела. Надо что-то делать.

– Предлагаю возвращаться назад, в избушку. Кто бы это ни был, там есть лекарства, тепло.

– Вы все ещё верите в милосердие, доктор?

– Если бы я в него не верил, я бы не работал врачом. Помогайте Маше, а я помогу Вашей жене. Мне не привыкать.

– Вы силы-то где черпаете, поделитесь?

– Сила только в вере, мальчик мой.

Сила в вере... Вот в Бога-то он не сильно верил. Вернее, он признавал моральные нормы, которые предписаны человечеству, чтобы оно совсем не превратилось в стадо животных, он даже верил в судьбу, почитывал гороскопы, но Бог был для него довольно абстрактным понятием. Но сейчас эта мыслительная жвачка помогала отвлечься от реальной действительности.

– Саша, я, конечно, ничего не знаю в ваших прежних отношениях с женой, но мне кажется, что вы были просто душевным импотентом, извините за грубость. Вы и сейчас таким остаетесь. Вот ответьте честно – Вы ведь больше страх испытываете за себя, а не за ближнего?

– Помните, «любовь к ближнему – фантом, необходимый нам, когда мы включены в общество». Или у Сартра рассуждения, о том, что должен выбрать солдат – защищать Родину или остаться с матерью? Всегда можно под любые действия подогнать нужные оправдания, определения и концепции. Слова нужны лишь для оправдательных приговоров. Знаете, мне не хочется отвечать на эти нападки. Если я начну Вас убеждать в обратном, будет похоже, что я оправдываюсь. А уж если признаю... К чему эта честность перед незнакомым человеком? Честным надо быть с самим собой, прежде всего. А говорить слова, которые от тебя хотят или ожидают услышать – это ведь просто лицемерие. Лицедейство. Клоунада.

– Что ж, лучше молчите. Вот и избушка. Сдается мне, что она уже пуста.

Печально скрипнула входная дверь. Действительно, пустота, как будто и не было никого.

– Быстро за льдом, или нет, я сам, а Вы – снимайте с неё всё, чтобы снизить температуру. Да не медлите. Что я, не видел женщин никогда. Быстрее, сейчас главное не упустить минуты. Хотя, честно говоря, не предполагаю, чем я могу тут помочь без лекарств. Кажется, здесь были хотя бы обезболивающие.

Аня немного очнулась, и из её груди вырвались хрипящие стоны. Лицо её вдруг побледнело. Саня схватил её за руки и ощутил липкий пот. Свистящий шепот бронхов.

– Борис, какой диагноз?

– Сложно сказать. Тут нужна экстренная помощь. У меня предложение – одному идти на станцию, это, вероятно, довольно далеко, судя по тому, сколько мы ехали на машине, там все равно есть телефон. Аптечка вряд ли поможет. Я ещё не видел такого быстрого развития пневмонии, именно это я и подозреваю, это что-то невероятное, на простую простуду или бронхит не похоже.

– Мамочка, мамочка, – плакала Маша рядом.

– Ребёнка надо всё-таки изолировать... Слушайте, мне кажется, можно вызвать спасательную службу... Нет. Я позвоню своему однокурснику, я знаю его сотовый, он что-нибудь придумает, я уверен. Так, согрейте воды и давайте пить. Лёд надолго не прикладывать, только ко лбу, надо порыться в доме, может, что тут есть, – он загремел на полках. – Кажется, уксус, прекрасно, обтирайте виски, руки, ноги. Я должен за час обернуться. Таблетки есть, анальгин, надо растолочь и давать, если температура будет повышаться. Хотя, рвотный рефлекс, но выхода нет. Состояние ребенка мне тоже не нравится. Какое-то странное ощущение, будто она тоже заболела, но ведь никаких признаков нет. Странно...

– Нет. Она только какая-то слабая. Хотя, ведь почти всю ночь не спала.

– Короче говоря, я дал анальгин и димедрол, самое простое, Аня будет спать, Машу успокойте, самому отключаться не советую, держитесь. Ну, разве на полчаса вздремните, если получится.

Борис твёрдо решил идти по дороге, по которой они уходили. Он повторял про себя молитвы, и почти не фиксировал путь. Но ему показалось, что она медленно отворачивает влево. Лес стал менее густым, он уже шёл час, но усталости почти не чувствовал. Должна же эта дорога куда-нибудь привести. Ведь это не тропинка какая-нибудь, а хорошая, укатанная колесами, дорога. Страшно захотелось пить, и он взял горсть снега. Подержать немного во рту, согреть, не хватало ещё, чтобы врач заболел. Не расслабляться, он нужен своим случайным попутчикам. Почему же такое быстрое течение пневмонии, он никак не мог понять. Ведь

организм сопротивлялся, температура повышалась, но, насколько он мог судить, не слишком высоко.

Хотя, прошло уже часа три, как он заметил первые признаки. Она, кажется, просто покашливала, да ещё переохладилась. Нет, всё равно так быстро не бывает. Врачебное чутьё говорило ему, что нужны антибиотики, процесс пика интоксикации может наступить внезапно. Как там Александр в одиночку справляется, остается надеяться на его благоразумие и милость Божью.

Неожиданно он увидел станцию, по его предположениям, появившуюся слишком рано. Ведь они ехали на машине целый час, кругами, что ли, их возили, ведь он прошел это расстояние за два часа, а скорость у машины, как ему показалось ночью, была довольно приличной.

Станция «Весёлое» была самой обыкновенной. Борис разбудил железнодорожника, спросил его, не слышал ли он, как ночью на перрон высаживались люди. Не приходили ли люди поутру. Нет. Он ничего не слышал, вообще на этой станции только товарные поезда останавливаются.

Деревня далеко, километров десять пешком, но там только фельдшер, но он, возможно, уехал в другую деревню, что случается часто, принимать роды, аптечка у него здесь есть, обычная. Но есть и несколько ампул анальгина. Все не то, время идет, Борис с ужасом осознавал свою беспомощность как врача. Разговор с Москвой пришлось заказывать через станцию, Борис кричал, умолял, чтобы соединили быстрее. Видимо, всё-таки удача не совсем от них отвернулась, и соединили через десять минут.

– Гена, привет, это Борис.

– Здравствуй, Боря.

– Гена, сейчас долго объяснять. Я ехал в поезде, и вот неожиданная остановка. Но дело не в этом. Ты можешь по своим каналам направить спасателей на станцию «Весёлое»? Я понимаю, что это далековато, но у тебя ведь есть свои связи, сколько километров до Москвы? – обернулся он к железнодорожнику.

– Двести пятьдесят, – неторопливо, как будто припоминая, ответил он.

– Двести пятьдесят, – повторил в трубку Борис.

– Что случилось-то?

– Тут женщина молодая умирает. Знаешь, симптомы очень подозрительные. Похоже на пневмонию, но уж очень неординарное течение. Я оставил там её, с мужем, вообще, мы тут в переделку попали, она с ребенком, у ребенка тоже не совсем нормальное состояние. Никаких признаков, но она тоже как бы угасает. Короче, медлить нельзя. Тут от станции дорога идёт, два часа по лесу, там избушка. В общем, дежурный по станции подскажет. Гена, могу я на тебя надеяться?

– Боря, ты остался неисправимым романтиком. Я не хочу вдаваться в подробности, но ты и я вряд ли сможем ей помочь.

– Почему?

– Дело не в том, почему, а в том, что она... Я не могу тебе этого сказать. Но я вылетаю, жди к вечеру. Продержись? Оставайся возле неё и наблюдай за событиями. Потом мне все подробно расскажешь.

Борис хотел ещё что-то сказать, но связь оборвалась. Он сгрёб все, что было в аптечке, и пошёл назад. Близился полдень. Яркое, но холодное солнце. Спокойно-безучастные ели, одинокое безмолвие леса. Безмолвие как одобрение бессмысленности всего, чем обеспокоено сердце человешь. Легко думать о вечности, вспомнилось ему из ночного разговора, действительно, легко, представляешь бесконечность, и мысли растворяются. Как соль в океане, остаётся тёплый солёный бульон растворённых человеческих мыслей, а океану на это абсолютно наплевать. Мысли не люди, по сути, они тоже в какой-то момент отделяются от людей и становятся вечными. Мыслишки тривиальные... Мысли глобальные...

Подходя к избушке, он услышал душераздирающий крик Ани. А потом жалобное поскуливание Маши. Ноги отказывались бежать, они отказывались ускорять темп. Дверь широко распахнулась, и он увидел Саню с окровавленными руками. О, Господи, что случилось. Глаза его блуждали, не зафиксировавшись на Борисе.

– Александр! Очнитесь! Почему у Вас руки в крови?

– Она кашляла, забрызгала меня. Я... пытался прикрыть ей рот ладонью... Это было ужасно. Машка... Она ничего не говорит. Пойдите к ней, я не могу! Не могу! Не могу!

– Успокойтесь, сядьте тут, не заходите, я сам.

Саня сел на крыльцо и схватил голову руками. Слез не было. Рыданий не было. Я, наверное, бесчувственное бревно, на моих глазах умирает мать моего ребенка, а, может, я и ребёнка уже потерял, а я... Не хочу, не хочу, не хочу... Отсутствие Бориса продолжалось бесконечно. Наконец, он вышел.

– Возможно, помощь скоро подоспеет. Нужны антибиотики, а их нет. Даже не предполагаю, что делать. Ждать и надеяться.

– Борис, Вы что, с ума сошли? Вы же врач!

– Я неточно выразился. Будем контролировать температуру.

– Предлагаете молиться?

– Именно этим я и собираюсь заняться. А Вам советую подумать о своих грехах. Человек должен как можно чаще сокрушаться о своих грехах. А чужие грехи обличать. Не обвинять, а обличать, это разные вещи.

– Это ведь очень удобно – грешить, а потом раскаиваться.

– Александр, Вы так и не поняли ничего из предыдущих событий? Очень жаль.

– Я не могу взять в толк, почему это происходит именно со мной. Почему на меня все это свалилось. Да, я был не самый лучший муж и отец. Да, я пренебрегал многими вещами. Но ведь большинство людей так живет. Я никого не убивал, не грабил, не насиловал. И вообще, почему Вы меня всегда ставите в положение оправдывающегося, не понимаю. Возможно, я не очень бережно относился к понятию любви. У Лема секс без любви – это когда человек ест соль и перец целыми ложками, потому что без соли и перца еда будет пресной. Я не так категоричен, хотя при наличии любви сие качественно отличается. Хотя я согласен с тем, что секс лишь часть любви, в каких-то случаях не самая главная. А главная часть – это «искренность, выстраданное доверие сердца к сердцу». Но это в идеале. А в реальности, в наше бурное время хочется успеть все. Вот Вы, Борис, неужели после потери своей единственной женщины никогда не испытывали влечения к другой женщине?

– Испытывал, грешен. Но всегда помнил о ней, единственной.

– Так ведь это и есть лицемерие. Ведь Вы же, наверно, говорили какие-то слова этой женщине, судя по всему?

– Говорил. И совершенно искренне.

– Так что же лучше – говорить слова, ценность которых не больше, чем у ёлочной мишуры, или не говорить этих слов, зато не надо потом себя обвинять и обличать?

– Я не собираюсь Вас ни в чем убеждать. Отдыхайте, скоро Вам понадобятся силы.

Борис пошел в дом, а Саня остался на крыльце. Молчаливый лес обступал со всех сторон. Вспомнилась враждебность леса у Стругацких. Истина, не желающая даваться в руки. Зачем-то придумана вся эта история с захватом, освобождением без борьбы, внезапной болезнью, беспомощностью перед обстоятельствами.

Был ли выбор? Мог он, Саня, сразу не подчиниться «террористам» и не разыгрывать перед всеми их помощника? Мог он не подчиниться и организовать сопротивление, когда они остались на перроне? Мог не идти в лес, не поверить Алексею, что сопротивляться бесполезно, и остаться в доме? Мог бы, хотел бы... Ему казалось, что как бы он ни решил, на все его ходы заготовлены варианты ответных ходов, а в итоге получается, что он просто плыл по течению.

Так ведь это ничему не противоречит, почему же ему так тошно, будто он что-то пропустил, чего-то не сделал? Но нужен ли был героизм в этой ситуации, и к чему бы он привел? Самое нелепое состояние, бесконечное пережёвывание своих поступков и фраз. Неумолимый рок, покорность судьбе, сладко-оправдательная песня.

...Саня спал по очереди с Борисом коротким беспокойным сном. К вечеру температура спала. Аня лежала с открытыми глазами. Саня присел рядом с ней, и они долго всматривались друг в друга в полном молчании.

– То, что происходит, ужасно, – с трудом сказал первую фразу Саня.

– Ничего. Береги Машу.

– Обещаю. Послушай, мне кажется, мы никогда не говорили с тобой.

– Ты ведь не любишь лишних слов.

– Господи, философские разговоры, эйфория понимания смысла жизни... Третью жизни мы проводим во сне, половину жизни – в бесконечных беседах. Когда же, спрашивается, жить? К чёрту всю эту набившую оскомину жвачку интеллектуальных разговоров, когда мы просто не умеем любить. В университетах этому не учат – быть счастливым. В какой-то момент люди встречаются, им кажется, что они подходят друг другу на данном периоде жизни, потом безболезненно расстаются, или, наоборот, с душераздирающими переживаниями, и всё идёт своим чередом.

– Ты считаешь, что мы расстались безболезненно?

– Для меня это было закономерностью, освобождением. А сейчас я задаю себе вопрос – освобождением от чего? Свобода – для чего? Получил я свободу, прихожу, когда хочу и с кем хочу. А вы с Машкой живете своей, другой жизнью. Как будто и не прожили вместе десять лет. Как будто это просто неудавшийся сценарий нашей совместной судьбы. И такое спокойствие, как будто это не моя жизнь.

– Не знаю, что ответить. Ты уверен, что эти мысли пришли к тебе не под влиянием минуты? Я чувствую, что скоро умру.

– Не говори так, должна подоспеть помощь. Мы должны ждать и надеяться. Я уже стал как Борис, а, может, он в чем-то прав. Когда не в силах человеческих что-то изменить, остается только молиться. Прости меня.

Аня лежала, закрыв глаза. Саня увидел Машу, она подошла незаметно. Он посмотрел ей в глаза и вздрогнул. Как в зеркало. Показалось, что леденящий ветерок враждебного недоверия коснулся его щеки.

– Мне больно дышать, – шёпотом произнесла Аня и забылась.

– Мама умирает?

– Маша, не говори так. Надо верить, что ей помогут.

– Ты врешь. Я знаю, что она умирает. Я это чувствую. Возьми мою руку – она такая же холодная, как и у неё.

– Не подходи близко, это может быть заразно. Я сам сейчас выйду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.